

МАЯК-12

мистическая повесть

Геслер Ян

Геслер Ян

Маяк-12

«Автор»

2026

Ян Г.

Маяк-12 / Г. Ян — «Автор», 2026

Инженер-связист Андрей Ларин приезжает на удалённый маяк всего на две недели: проверить оборудование, оформить акты и подготовить объект к автоматизации. Маяк кажется заброшенным, море — враждебным, а остров — слишком тихим для места, где когда-то жили люди. Но уже в первые дни Андрей понимает: здесь не всё подчиняется регламенту. Радиосвязь ловит голоса тех, кто давно не должен отвечать. В старых журналах появляются записи бывшего смотрителя Белова. Предметы меняют своё место, свет включается без команды, а туман будто возвращает не только корабли, но и чужую вину. Чем дольше Андрей остаётся на острове, тем яснее становится: маяк не просто указывает путь в темноте. Он хранит тех, кто не смог уйти, и выбирает тех, кто ещё способен услышать его сигнал. «Маяк-12» — атмосферная мистическая повесть об одиночестве, памяти, вине и свете, который иногда ведёт не к спасению, а к правде, от которой человек всю жизнь пытался отвернуться.

© Ян Г., 2026

© Автор, 2026

Геслер Ян Маяк-12

Маяк-12

Море не отдаёт тех, кого однажды научилось звать по имени.

Море в тот день было не синим и не серым, а оловянным, будто его за ночь отлили в огромную форму и забыли остудить. Катер шёл тяжело, с хрипом, проваливаясь носом в короткую волну. За кормой оставалась рваная белая борозда, впереди не было ничего, кроме тумана и тонкой чёрной черты на горизонте. Я стоял у левого борта, держась за холодный поручень, и делал вид, что меня не мутит. Ветер бил в лицо мелкой солёной крупой. Капюшон куртки давно промок по швам, перчатки прилипали к пальцам, а в ботинках, несмотря на уверения продавца, уже жила вода. Всё это было неприятно, но понятно. Дождь, море, катер, зимний северный воздух. Понятные вещи успокаивают.

В нагрудном кармане, под непромокаемой тканью, лежал телефон. Связи уже не было, но я всё равно каждые десять минут нажимал боковую кнопку и смотрел на чёрный экран. Последнее непрочитанное сообщение там висело не от диспетчерской и не от управления. От Марины.

Вернее, от её номера, который я так и не смог переименовать в «архив», «прошлое» или любое другое аккуратное слово для мёртвых. Сообщение было старое, восьмимесячной давности, и я знал его наизусть, но не открывал. Пока оно оставалось непрочитанным, между мной и тем утром будто ещё сохранялась крошечная техническая задержка.

Я сказал себе, что на острове займусь только оборудованием. Провода, реле, аккумуляторы, журнал обслуживания. Никаких воспоминаний. Никаких разговоров с теми, кому уже нельзя ответить. Работа тем и хороша, что у неё есть регламент.

Круглов, капитан, сидел в рубке, будто врос в рычаги. Шея у него была красная, морщинистая, с тёмными пятнами старого загара; волосы под вязаной шапкой торчали седыми жёсткими щетинками. Он говорил мало. Не из тех, кто молчит красиво. Просто берег слова, как топливо.

— Долго ещё? — спросил я, когда впереди наконец проступило нечто похожее на каменную спину. Круглов не ответил сразу. Сперва проверил прибор, потом плюнул в бумажный стаканчик с остывшим чаем и только после этого кивнул туда, где туман разошёлся неровными ключьями.

— Вот он. Я поднял голову. Сначала я увидел не башню, а свет. Бледный, дневной, невозможный. Он мигнул в тумане один раз — коротко, без размаха, словно кто-то за занавеской приоткрыл глаз и снова его закрыл. Потом проявилась башня. Серая, высокая, с облупившейся белой краской, она стояла на каменной гряде так уверенно, будто море веками пыталось столкнуть её в воду и каждый раз уходило ни с чем.

— Питание на фонаре есть? — спросил я.

— Сами потом посмотрите. Вы же специалист. В этих словах не было насмешки, но и доверия тоже не было. Круглов говорил так, как говорят о человеке, которому предстоит самому убедиться, что инструкция не всегда спасает. Остров оказался меньше, чем казался с воды. Вернее, это был не остров, а клочок камня, насильно поднятый из моря: чёрные скалы, редкая трава, прилипшая к земле, как мокрые волосы, бетонный причал с ржавыми кольцами и тропа, ведущая наверх к маяку. На карте, которую мне показывали в управлении, всё выглядело аккуратнее: объект связи, хозяйственный корпус, дизельная, цистерна, подход к башне. На бумаге не было ветра, запаха водорослей и того низкого гула, который шёл от камня под ногами. Причал встретил нас ударом волны. Катер качнуло, борт скрежетнул о покрышки, привязанные к бетону. Круглов выругался, бросил мне конец, я едва удержал его, обмотал вокруг тумбы и только тогда понял, что пальцы дрожат.

— Не геройствуйте, — сказал он, выбираясь на причал.

— Здесь героям быстро объясняют, что они лишние. Мы выгружали ящики молча. Инструменты, запасные блоки, аккумуляторные модули, две коробки сухпайка, канистры, мешок с крупами, упаковки воды, кабельные бухты, мой рюкзак. В управлении говорили: «Полуавтоматический объект, две недели работы, максимум три, всё обеспечение на месте». На месте оказалось достаточно только сырости. Круглов шёл впереди, я за ним. Каменная тропа поднималась круто, местами превращаясь в ступени, выбитые прямо в скале. Слева внизу билась вода, справа тянулась цепь на коротких столбиках. Цепь звенела от ветра, и звук этот был похож на то, как кто-то далеко-далеко перебирает ключи.

— Сколько здесь до материка? — спросил я.

— Если по карте — тридцать семь километров.

— Если по погоде — как повезёт.

— Связь стабильная? Круглов остановился и посмотрел на меня так, будто я спросил, бывают ли в море сухие дни.

— Днём чаще.

— Ночью лучше не болтать.

— Почему? Он снова пошёл.

— Ночью тут все болтают. Хозяйственный корпус притулился к основанию башни, низкий, бетонный, с тёмными окнами и металлической дверью. На стенах висели полосы старой соли. С крыши торчала антенна, слегка согнутая, как палец, которым забыли кому-то погрозыть. Внутри пахло холодным железом, соляной, мышинным помётом и давно не проветренной одеждой. Круглов показал мне дизельную. Два генератора: основной и резервный. Основной выглядел старше меня, резервный — старше основного. На полу стояли канистры, под стеной — ящик с фильтрами, на гвозде висел залоснившийся журнал технического обслуживания. Последняя запись была сделана три месяца назад. Чернила расплылись, будто кто-то писал мокрой рукой.

— Дизель запускается с третьего раза, — сказал Круглов.

— Если со второго, не радуйтесь. Значит, что-то не так. Потом была аккумуляторная: кислый запах, ряды батарей, пыльные таблички, предупреждения о вентиляции. Радиорубка: стол, старая станция, современный блок, который мне предстояло заменить, микрофон на витом шнуре, журнал сеансов связи, над которым кто-то аккуратно положил металлическую линейку. Кухня: раковина, плитка, две кастрюли, кружка с трещиной, пачка чая без этикетки. Комната смотрителя: железная кровать, шкаф, матрас, одеяло, потемневшая фотография в рамке, повернутая лицом к стене.

— Здесь кто жил? — спросил я. Круглов пожал плечами.

— Все понемногу.

— Последний?

— Грачёв. Павел. Но вы в документах, наверное, читали. Я читал. «Сменный техник, связь потеряна в период шторма, позднее эвакуирован». Так было написано в короткой справке, подписанной человеком, который никогда не выходил на мокрый причал.

— Эвакуирован? — уточнил я. Круглов усмехнулся без улыбки.

— Если так написано, значит, эвакуирован. В башню мы вошли через узкую дверь. Сразу стало тише. Ветер остался снаружи, но внутри поднялся другой звук — глухой, постоянный, как дыхание в трубе. Винтовая лестница уходила вверх, мокрые железные ступени блестели в слабом свете фонаря. Я поднял голову и не увидел конца.

— Линза наверху, — сказал Круглов.

— Но сегодня лучше не лезьте. Ступени скользкие. Да и темнеет.

— Вы же сказали, свет не должен работать.

— Мало ли что я сказал. Он не любил отвечать прямо. Позже я пойму: здесь прямые ответы считались дурной приметой. Пока же я списал это на местную замкнутость, суеверие и

желание поскорее уйти до ухудшения погоды. Когда мы вернулись вниз, Круглов поставил на стол связку ключей. Большой — от башни. Плоский — от дизельной. Маленький, с красной изолентой — от шкафа с аварийным запасом. Безмянный, тёмный, с проржавевшей бородкой — он положил отдельно.

— А этот? Капитан посмотрел на ключ и убрал руку.

— Не знаю.

— Вы же его привезли.

— Я много чего привожу. На улице завыл ветер. Стекло в окне дрогнуло. Где-то внизу ударила о бетон волна, и весь корпус на мгновение принял удар, как живое существо. Я расписался в акте приёмки. Моя подпись получилась кривой: стол слегка вибрировал, или это дрожала рука. Круглов забрал бумаги, сунул их во внутренний карман куртки и вдруг задержался у двери.

— Ларин. Я обернулся.

— Если ночью услышите стук снизу, не открывайте сразу.

— Здесь, кроме меня, никого нет.

— Вот поэтому и не открывайте сразу. Сначала спросите по рации.

— У кого? Он посмотрел на меня уже почти с жалостью.

— У живых. Катер уходил быстро. Я стоял на тропе и смотрел, как он отрывается от причала, прыгает на волне, разворачивается носом к туману. Круглов не махал. Я тоже. На расстоянии в сто метров люди становятся не людьми, а точками, и прощаться с точкой глупо. Когда звук мотора исчез, остров стал другим. Не тише — нет. Здесь вообще не было тишины. Море ревело, цепи звенели, ветер бился в щели, где-то в башне гудела пустота. Но исчез человеческий масштаб. Пока катер стоял у причала, маяк был объектом: неудобным, старым, удалённым. Когда катер ушёл, он стал местом. Я занёс оставшиеся ящики, проверил дверь, включил фонарь над столом и достал рабочий блокнот. Порядок всегда начинался с записи. Объект: маяк Северный-Восточный, сектор навигации 12-А. Состояние: неудовлетворительное. Персонал: один человек. Связь: проверить. Питание: проверить. Световая система: отключена до диагностики. Я написал это и почувствовал облегчение. Бумага терпит хаос только до тех пор, пока его не описали. Потом хаос превращается в список задач. Первым делом я проверил щит питания. Линия фонаря была обесточена. Автомат снят, пломба старая, провод на резервном контуре отключён. По всем признакам свет наверху не мог зажигаться. Не «не должен» — именно не мог.

Я вернулся в кухню, открыл банку тушёнки, поставил воду на плитку. Чай здесь заваривался долго и получался тёмным, с металлическим привкусом. За окном уже не было видно моря; стекло стало чёрным зеркалом, в котором отражались стол, лампа и моё лицо. Лицо мне не понравилось: усталое, чужое, с полосой соли на щеке. В семь вечера я вышел на первый сеанс связи. Ирина, диспетчер материковой станции, ответила почти сразу. Голос у неё был сухой, деловой, но не без тепла — так говорят люди, которые привыкли оставаться спокойными за других.

— Объект Северный-Восточный, приём.

— Материк, это Ларин. Прибыл. Состояние объекта требует полной ревизии. Связь есть, качество среднее. Погода ухудшается.

— Поняла вас. Круглов ушёл?

— Ушёл.

— Значит, вы теперь официально один. Я хотел пошутить, но в этот момент за стеной что-то стукнуло.

Один раз. Негромко. Будто костяшкой пальца по металлу.

— Ларин? — спросила Ирина.

— Всё в порядке.

— У вас фонит микрофон.

— Здесь всё фонит.

— Нет. На заднем плане кто-то дышит. Я посмотрел на закрытую дверь, потом на пустой коридор. Стук не повторился.

— Это ветер, — сказал я.

— Возможно. После связи я обошёл корпус. Двери закрыты, окна целы, дизельная пуста, аккумуляторная заперта. В башню я не поднимался. На всякий случай проверил большой ключ и положил его в карман. Спать я лёг поздно. Матрас пах сыростью и чужим табаком. Одеяло было тяжёлым, холодным, как мокрая собака. Долго слушал ветер и пытался отделить один звук от другого: цепь, вода, вентиляция, стекло, металл, собственное дыхание.

Где-то около полуночи комната вдруг побелела. Я открыл глаза. Свет прошёл по стене медленно, как ладонь. Он выхватил шкаф, стол, мой рюкзак, трещину на кружке, фотографию в рамке, всё ещё повернутую к стене. Потом исчез. Я сел. Через несколько секунд свет вернулся. На этот раз он прошёл по потолку и задержался на двери. Снаружи работал фонарь маяка. У щита питания всё было как прежде. Автомат снят. Линия отключена. Пломба целая. А наверху, за толщей бетона и железа, вращалась линза. Медленно. Ровно. Живо. Я достал ключ от башни, но не сразу вставил его в замок. За дверью слышался гул, и в нём мне на миг почудились слова. Не голос — скорее попытка голоса. Как если бы море училось говорить через старую трубу. Я открыл дверь. На первой ступени винтовой лестницы лежала мокрая жёлтая пуговица.

* * *

Я поднял пуговицу не сразу. Смешно сказать: обычная вещь, круглая, жёлтая, с четырьмя дырочками, дешёвая пластмасса, какая бывает на детских дождевиках и рыбацких куртках. Но она лежала на первой ступени так аккуратно, будто кто-то положил её туда специально, чтобы я не мог сделать вид, что ничего не видел. В башне пахло мокрым железом. Не сыростью, не плесенью, а именно железом, которое долго держали над морем, пока соль не въелась в каждую царапину. Свет от фонаря, проходя через узкие окна, резал лестничный колодец на косые полосы. В этих полосах кружилась пыль, и пыль была такой густой, что казалось: башня дышит ею изнутри. Я заставил себя проверить всё по порядку. Так всегда легче. Не думать о невозможном, а идти от контакта к контакту, от клеммы к клемме, от щита к механизму. Рабочий человек тем и отличается от испуганного, что сначала открывает ящик с инструментом, а уже потом разрешает себе испугаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.